

УДК 343.85
ББК 67.515

Н.Г. Щитов

*доктор философских наук, профессор,
Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Российская Федерация*

КАРАТЕЛЬНАЯ ТЕНДЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПОЛИТИКЕ США

Социологическая теория цивилизационного процесса и «децивилизации» Н. Элиаса была использована для объяснения усиления жестокости наказания в США, выраженной в увеличении числа заключенных, популистской карательной риторике и экспрессивной жестокости карательных мер в условиях существенного и устойчивого снижения насильственной преступности. Для достижения поставленной цели в статье предпринимается анализ концепции «децивилизации» Н. Элиаса и факторов, способствующих усилению этой тенденции. Под «децивилизацией» понимается усиление удовлетворения страданиями преступников (как физическими, так и психологическими) либо усиление безразличия к подобным страданиям. Одним из существенных факторов, способствующих «децивилизационным» тенденциям, является моральная паника, повышающая чувство риска и усиливающая карательные настроения электората. В качестве решающего фактора «децивилизационного» процесса, способствующего увеличению числа заключенных в США, рассматривается зависимость полиции, прокуратуры и суда от карательных настроений электората. Эта зависимость проявляется в выборности большинства судей, шерифов и прокуроров как на местном, так и на федеральном уровне. В результате такого политического устройства суды и полиция не могут противостоять карательным настроениям избирателей, которые в результате моральной паники чаще всего имеют «децивилизационную» направленность. Моральная паника и карательные настроения возникают, как правило, после жестоких насильственных преступлений, не влияющих на общую статистику преступности, но оказывающих сильное психологическое воздействие на широкую публику. Поскольку такие преступления невозможно полностью предотвратить, то можно предположить, что карательные настроения будут продолжать оказывать существенное влияние на пенитенциарную политику США.

Ключевые слова: преступность; «децивилизация»; предупреждение преступности; тюремное заключение в США; карательные настроения; экспрессивная жестокость.

N.G. Shhitov

*Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russian Federation*

RETRIBUTIVE TREND IN CURRENT PENAL POLICY OF THE USA

Abstract

Norbert Elias's theory of a «civilizing process» and decivilization was used to explain punishment enhancement in the USA which resulted in increased number of the convicted, populist penal declamation and expressive violence of penalty in terms of significant and stable decrease in violent crime. The author tried to analyze the abovementioned decivilization theory and factors that lead to this tendency development. «Decivilization» is considered as growing satisfaction with offenders' suffers (both physical and psychological) or growing indifference to such suffers. Moral panic that raises feeling of risk and people's retributive sentiment is one of significant factors of decivilization process. Police, Government Attorney and Court's dependence on people's retributive sentiment is considered as a determinative factor of decivilization process. This dependence emerges in most judges, sheriffs and attorneys' electivity both regionally and federally. This leads to Police and Courts' inability to counteract

people's retributive sentiment which often has «decivilizational» inclination due to moral panic. Moral panic and retributive sentiment generally grow after cruel violent crimes that don't affect overall criminal statistics but seriously affect people psychologically. Since these crimes cannot be completely prevented, the author assumes that retributive sentiment will still influence USA penal policy.

Key words: crime; «decivilization»; crime prevention; prison confinement in USA; retributive sentiment; expressive violence.

Карательная тенденция в пенитенциарной политике США в последние 20 лет привлекает к себе все больше внимания. Это неудивительно, поскольку наблюдается тенденция роста числа заключенных при устойчивом снижении преступности. Возникает вопрос, почему США предпочитают достаточно неэффективную политику наказания за совершение преступлений, а именно политику широкого применения тюремного заключения в качестве основной меры наказания, в то время когда существуют гораздо более эффективные и менее затратные (как с экономической, так и с социальной точки зрения) методы снижения уровня преступности, например целенаправленное полицейское патрулирование, эффективность которого проанализирована на примере действий полиции в Нью-Йорке, где преступность снизилась в 2 раза по сравнению со средними показателями США [40]. Я. Гилинский неоднократно отзывался о США как о «нецивилизованной стране» [2]. Возможно, что США является страной, подвергающейся процессу «децивилизации» [26], по крайней мере в сфере пенитенциарной политики.

Целью данной статьи является анализ глубокого противоречия в эволюции наказания за уголовные преступления в США, когда, с одной стороны, в стране устойчиво снижается преступность, а с другой – происходит усиление жестокости наказания и роста числа заключенных. Трансформация практики наказания в США представляет значительный интерес, поскольку она не соответствует большинству существующих пенологических теорий, которые связывают ужесточение наказания с ростом преступности [34]. В США имеет место обратный процесс. Можно предположить, что такого рода противоречие порождено взаимодействием усиления жестокости по отношению к преступникам в американском обществе в целом с зависимостью американских социальных институтов (полиции, прокуратуры и суда) от карательных настроений электората.

Усиление карательных настроений американского общества значительная часть амери-

канских и европейских криминологов объясняет наличием «децивилизационной тенденции» в сфере политики борьбы с преступностью в США [19; 34; 37]. Криминологические исследования усиления жестокости наказания существенно используют социологическую теорию цивилизационного процесса Н. Элиаса в тех ее аспектах, которые могут служить основанием криминологических и пенологических исследований наказания [31]. В рамках этих исследований под «цивилизационной» тенденцией («цивилизацией») в пенитенциарной политике понимается усиление сострадания к наказываемым преступникам. Наиболее ярким примером такой тенденции является Норвегия, где гуманное отношение к преступникам распространяется даже на убийц-маньяков (один из примеров такого отношения будет рассмотрен ниже). Под «децивилизационной» тенденцией («децивилизацией») в пенитенциарной политике понимается усиление удовлетворения страданиями преступников (как физическими, так и психологическими) либо рост безразличия к подобным страданиям [37].

Концепции «цивилизации» и «децивилизации» были развиты голландским социологом Н. Элиасом. На криминологическое и пенологическое значение этих концепций впервые обратили внимание профессор криминологии из Кембриджа П. Спиренбург [31], проводивший историческое исследование эволюции преступности и пенитенциарной политики за последние 300 лет в Европе и США, а также профессор юридического факультета Университета Нью-Йорка Д. Гарланд, исследовавший значение концепции Н. Элиаса для криминологической теории [17, р. 213–247]. Оба криминолога полагают, что в своей «конфигурационной социологии» Н. Элиас предложил концепцию, позволяющую объяснить как смягчение наказания в результате роста «цивилизации» обществ, так и ужесточение наказания в результате появления тенденций «децивилизации» [36, р. 81–129]. Концепция «децивилизации» американского общества (безусловно, только в отношении ужесточения наказания) позволя-

ет интерпретировать феномен роста числа заключенных в условиях устойчивой тенденции снижения преступности [37]. Н. Элиас предложил концепцию постепенного изменения аффективных реакций жителей Западной Европы на протяжении нескольких веков в результате непредвиденных и ненамеренных последствий необходимого самоконтроля, самонаблюдения и умения наблюдать за другими людьми с целью понять их истинные чувства и замыслы [7]. В значительной степени это было связано с развитием так называемого «придворного общества» [8]. В качестве непреднамеренного и непредвиденного последствия такого поведения возросла чувствительность к разного рода откровенным проявлениям жестокости, страданий, боли, насилия при наказании преступников. Кроме контроля над своими аффектами, Н. Элиас придавал большое значение государственной монополии на использование легитимного насилия, что сняло с граждан необходимость в самозащите от преступников [31]. Соответственно, жестокие наказания, такие как колесование, сожжение на костре и другие виды публичных казней, вызывали все большее отвращение.

Исследователи пенитенциарной политики [37] обращают внимание, что в силу действия разнообразных факторов иногда начинается процесс «децивилизации», который проявляется в открытом выражении жестокости наказания, карательной риторике и одобрении применения наиболее суровых методов наказания преступников. Элиас считал: «Движение в одном направлении («цивилизации». – Н. Ш.) оставляет возможность для движения в противоположном направлении (в сторону «децивилизации». – Н. Ш.)» [12, s. 235]. В качестве примера «децивилизации» он приводил Холокост, когда значительная часть населения Германии участвовала в массовом уничтожении евреев [13]. Однако Элиас не рассматривал подробно факторы, приводящие к «децивилизационным» изменениям в процессе наказания за уголовные преступления. Современные исследователи полагают, что некоторые «децивилизационные» изменения могут быть следствием моральной паники, поскольку в результате развития моральной паники роль государства как защитника граждан и монополиста на легитимное насилие ставится под сомнение и одновременно возрастают карательные настроения в обществе [20]. Моральная паника довольно

часто возникает после особо жестоких насильственных преступлений. Карательные настроения граждан в ситуации моральной паники значительно усиливаются. В большинстве развитых стран государство фактически не зависит в своей пенитенциарной политике от мнения граждан, поэтому существенного ужесточения наказания не происходит, чаще всего политики ограничиваются популистской карательной риторикой [3]. Однако в США наблюдается существенная зависимость полиции, судов, прокуратуры от карательных настроений избирателей, что способствует возникновению феномена, названного Л. Ваканом «порнографией закона-и-порядка», когда «повседневные криминальные происшествия превращаются в соблазнительное зрелище в средствах массовой информации и постоянную театрализацию морали» [38, p. 93].

Сначала подробно рассмотрим сам феномен ужесточения наказания в США в последние два десятилетия, затем – экспрессивную жестокость наказания и, наконец, непосредственную зависимость институтов наказания от карательных настроений избирателей. Я бегло обозначил некоторые особенности наказания в США выше, сейчас необходимо подробнее изучить это явление в связи с тенденцией к «децивилизации». При обзоре литературы по социологии наказания становится очевидным, что происходит усиление жестокости наказания в США. Вместо прогнозированного снижения популяции заключенных и пациентов психиатрических клиник [27] начался рост тюремной популяции, а многие бывшие пациенты психиатрических госпиталей стали либо бездомными, либо попали в тюрьмы [22]. Обе тенденции (увеличение числа заключенных и безнадзорных психически больных) свидетельствуют об ужесточении наказания и растущем безразличии к судьбе психически больных.

Наказание в процессе модернизации западного общества и «смягчения нравов» претерпело значительные изменения. За последние 300 лет оно эволюционировало от крайне жестоких пыток и казней, проводившихся публично, до относительно «гуманного» тюремного заключения [30; 31]. Смертная казнь была отменена в большинстве развитых стран во второй половине XX в. В тех странах, где к ней еще прибегают как к мере наказания, казнят редко. Исключение представляют США,

где смертная казнь до сих пор достаточно широко применяется в 34 штатах из 51 [18]. Однако наиболее распространенным жестоким способом наказания в настоящее время является тюремное заключение, поэтому ему будет уделено основное внимание, поскольку тюремное заключение – самый широко применяемый жестокий вид наказания.

Известно, что в большинстве экономически развитых стран число заключенных или снижается, или остается стабильным в последние десятилетия [34]. Однако в США мы можем наблюдать обратную тенденцию: в последние 20 лет, несмотря на 40-процентное снижение уровня общей преступности в этот период, и в особенности насильственных преступлений, число заключенных постоянно возрастает [11], достигнув в 2007 г. рекордной цифры – 2 298 041 заключенный [21]. Уже более десяти лет США превосходят Российскую Федерацию по числу заключенных на 100 тыс. населения [1]. В США, по последним данным (на 31 декабря 2010 г.), было 730 заключенных на 100 тыс. населения [16], в РФ на 1 января 2011 г. – 519 заключенных на 100 тыс. населения [6]. Между тем западно-европейский уровень числа заключенных колеблется примерно между 59 заключенными на 100 тыс. населения (Финляндия) и 150 заключенными на 100 тыс. населения (Англия и Уэльс), если не принимать во внимание страны бывшего восточного блока и бывшего СССР. В то же самое время уровень убийств на 100 тыс. населения в США ниже российского примерно в 3 раза (я ссылаюсь на официальную статистику). Он составляет 13 на 100 тыс. в РФ [5] и 4,8 на 100 тыс. в США [15] (данные 2010 г.). Можно приблизительно оценить «наказывающий потенциал» (пунитивность) государства, рассчитав число заключенных на одно убийство, поскольку предполагается, что чем больше заключенных приходится на одно убийство, тем больше заключенных отбывает срок за насильственные преступления. Таким образом, «наказывающий потенциал» выше у той страны, где больше заключенных отбывает срок за насильственные преступления. В этом случае мы получаем следующие результаты: в Российской Федерации – 53,56 заключенных на одно убийство, в США – 149 (данные 2010 г.). США в течение последних десяти лет являются неоспоримым «чемпионом» по числу заключенных на одно убийство. При

этом мы должны учитывать, что действительный уровень убийств в РФ может значительно превосходить официально декларируемый [4, с. 121–122], что приведет к еще большему уменьшению числа заключенных на одно убийство по сравнению с США.

Лишение свободы в США стало тяжелым бременем как для всего государства, так и для отдельных штатов. Например, в Калифорнии бюджет, выделяемый для системы Университета Калифорнии, был уменьшен на 30 %, поскольку деньги были переведены для нужд пенитенциарной системы штата [11]. Казалось бы, что экономический кризис 2008–2009 гг. должен был привести к снижению финансирования пенитенциарной системы и снижению числа заключенных, однако происходит обратное – все больше денег выделяется для тюрем штатов и федеральных тюрем. Администрация президента Обамы оказалась не в силах переломить тенденцию увеличения числа заключенных, несмотря на высказываемые намерения существенно снизить тюремную популяцию. Можно предположить, что объяснение роста числа заключенных политическими и экономическими факторами является односторонним, поскольку ни экономический кризис, ни политическая воля американского правительства не оказали существенного влияния на численность тюремной популяции.

Американский криминолог Дж. Саймон обратил внимание на усиление экспрессивной жестокости наказания преступников. Он так определяет экспрессивную жестокость: «Под жестокостью я понимаю удовлетворение страданием, которое причиняется наказанием преступнику» [28, р. 126]. Обращаясь к публичной стороне наказания, можно отметить изменение настроений в пользу смертной казни, когда все чаще и чаще начинают появляться газетные заголовки такого рода: «Убийца получил электрический стул», «Чавец потерял свое право жить среди нас», – сказал судья» [28, р. 128]. Смертная казнь, безусловно, является наибольшей жестокостью по отношению к преступнику, будучи индикатором пунитивности общества. Наблюдается тенденция к подробному освещению ее в средствах массовой информации. Особенно выростала поддержка смертной казни в США в 80–90-е гг. XX в. С 1974 по 1994 г. поддержка смертной казни среди американцев выросла с 58 до 74 %. В 1994 г. 58 % американских избирателей положительно относились к приме-

нию смертной казни к женщинам; 44 % положительно отнеслись к смертной казни лиц, не достигших 18 лет (этот вопрос начал включаться в опросники только с 1988 г.) [14]. С начала 1970-х гг. до середины 1990-х гг. произошли изменения и в мотивации одобрения смертной казни. Все большее число американцев начало одобрять смертную казнь не только как способ сдерживания потенциальных преступников, но и как воздаяние за преступление. Еще один мотив, который начал влиять на установки американцев, – это желание лишить преступника любого шанса вновь оказаться на свободе (пожизненное заключение оставляет некоторую надежду на досрочное освобождение) [14, р. 24–33]. В 2010 г. число американцев, поддерживающих смертную казнь, возросло до 83 %, противники смертной казни составили всего 13 % опрошенных [9], поэтому мы можем говорить об устойчивой тенденции усиления одобрения смертной казни. Д. Гарланд полагает, что смертная казнь в США до сих пор эмоционально связана с судом Линча, поскольку продолжает оставаться «зрелищем» для родственников и близких жертвы даже при отсутствии зрелищности, так как чаще всего исполняется при помощи «смертельной инъекции» [18].

Другим экспрессивно жестоким видом наказания является тюремный приговор без права досрочного освобождения, если он пожизненный или очень длительный (так называемое «достоверное наказание» – *truth in sentencing*). Судья, приговорив 20-летнего преступника к 50 годам заключения без права досрочного освобождения, произносит: «Я надеюсь, что Вы выйдете оттуда лучшим, чем сейчас, человеком» (это обычное «напутствие судьи» в США после вынесения приговора) [28, р. 129]. В новостях все чаще начинают фигурировать жертвы преступлений со своими историями страданий и требованиями, чтобы преступник получил воздаяние. Сейчас для восстановления психического равновесия психиатры рекомендуют жертвам преступления (или их родственникам) присутствовать на суде для завершения «цикла страдания» [28]. Также сторонники феминистического движения требуют конфронтации жертв сексуальных преступлений с преступниками в суде. Присутствие жертвы или ее родственников чаще всего приводит к ужесточению приговора, поскольку это оказывает сильное психологическое воздействие на присяжных,

заставляя их чувствовать себя своего рода «ангелами мщения» [34, р. 167], особенно если жертва преступления вызывает симпатию.

Третьим признаком экспрессивного ужесточения наказания можно считать возвращение мер «позора и деградации преступника», мер, которые вызывают к нему общественное презрение. Объектом таких «техник» наказания может стать любой – достаточно вспомнить риторику сторонников импичмента президента Клинтона, называвших его «человеком с низкой душой», «мелким лжецом» и т.д. Джессе Тимендеквас, убийцу семилетней девочки Меган Канка, в процессе судебного заседания и в прессе называли «животным» и «чудовищем». Конгрессмен от Нью-Джерси Джек Циммер сказал после оглашения смертного приговора, что смертная казнь была снова введена в США для таких людей, как Джессе Тимендеквас [29, р. 1136–1142]. Выражением экспрессивной жестокости можно считать убийство Бен-Ладена, которое было совершено без абсолютной необходимости вместо судебного процесса над «террористом номер один». Примечательно, что к Бен-Ладену были применены «меры позора»: сообщалось, что у него нашли коллекцию дорогих порнографических фильмов, что является глубоким унижением для мусульманина [24].

Четвертым признаком экспрессивной жестокости наказания выступает так называемый «закон трех ударов» (*The Three Strikes Law* или «*Three Strikes and You're Out*»), который сначала был введен в Техасе и критически был воспринят в остальных штатах, но затем введен в Калифорнии и еще в 24 штатах (в последние 20 лет). Формально этот закон известен как «закон о рецидивистах» (*The Habitual Offender Laws*). Применение этого закона варьирует от штата к штату, но в 25 штатах (кроме Калифорнии) преступник, совершивший три насильственных преступления, чаще всего получает пожизненное заключение без права освобождения или длительное тюремное заключение без права досрочного освобождения. В Калифорнии преступник наказывается за любое серьезное преступление (*felony*), совершенное в третий раз, даже если оно носило ненасильственный характер (кража, например) [39; 41].

Возможность принять эти законы появилась из-за изменения отношения значительной части представителей среднего класса к преступникам. Известно, что до начала 90-х гг.

XX в. большинство представителей среднего класса в США было настроено весьма либерально в отношении преступников, отчасти благодаря незначительной вероятности стать жертвой насильственных преступлений. В 90-е гг. возрастает уязвимость его представителей по отношению к насильственной преступности в силу реконфигурации различных факторов [19]. Именно представители среднего класса в 90-е гг. XX в. становятся инициаторами ужесточения наказания.

Ярким примером инициативы представителей среднего класса является реакция на убийство 12-летней Полли Клаас, похищенной из родительского дома 1 октября 1993 г. Ричардом Дэвисом, который был условно освобожденным преступником. После его ареста выяснилось, что он многократно судим за насильственные преступления. Последовавшая за этим волна моральной паники способствовала ужесточению наказания. Дедушка Полли Клаас по отцовской линии (довольно известный американский писатель Джо Клаас) стал одним из инициаторов закона о трех рецидивных преступлениях с последующим пожизненным или 25-летним тюремным заключением в Калифорнии. Таким образом, прежнее абстрактное сострадание к преступнику сменяется гневом и страхом [28; 29].

Еще одним фактором, способствующим «децивилизации», является усиление чувства этнической идентичности. Вместо слияния рас и национальностей в США происходит все большая их сегрегация внутри общества, что приводит к усилению напряженности этнических отношений (мультикультурализм). Чувство этнической идентичности часто приводит к враждебности по отношению к представителям других этнических групп. Этим объясняются вспышки гнева, когда преступник и жертва – представители разных этнических групп. Возможно, это плата за мультикультурализм, побочным эффектом которого оказывается усиление межэтнических барьеров в развитых странах Запада. В США это выражается в напряженности отношений между расами, особенно между белыми и афроамериканцами. Хотя афроамериканцы составляют только 12,85 % всего населения, они образуют значительную часть тюремной популяции. Уровень афроамериканских заключенных на 100 тыс. афроамериканцев составляет 4 749, а белых – 708 на 100 тыс. населения [10]. Тенденция к

изоляции и геттоизации черного населения до сих пор остается значительной. Л. Вакан видит черты «децивилизации» в создании нового «низшего класса» в гетто [37].

Теперь перейдем к роли государства в усилении тенденции децивилизации наказания. В США государство играет двойственную роль в ужесточении наказания. С одной стороны, политики начинают играть в «государство-приятеля» (the Buddy State), понимающего боль каждой жертвы преступления и поэтому жестоко мстящего преступникам. Особенно возросла роль государства как «защитника народа» после террористической атаки 11 сентября 2001 г., когда погибло около 3 тыс. человек (хотя, фактически, государство должно было предотвратить террористическую агрессию!). Более того, растет экономическая зависимость: каждый шестой американец получает различную монетарную помощь от государства (либо частичную, либо полностью находятся на пособии), соответственно, эта часть населения поддерживает действия государства [35]. Получатели пособий находятся в состоянии постоянного стресса, поскольку «социально ориентированное государство» ослаблено экономическим кризисом.

С другой стороны, после убийства Меган Канка в июле 1994 г. в Нью-Джерси был введен закон об обязательном извещении членов локального сообщества о проживающих педофилах (Законы Меган (Megan Laws) – в честь жертвы педофила). Затем в 1996 г. на основании Законов Меган Верховный суд США обязал все штаты применить обязательное извещение локальных сообществ о проживающих там педофилах. Значительная часть американских криминологов полагает, что государство фактически переложило ответственность за безопасность детей на родителей, которые сами должны следить за тем, чтобы педофилы не приближались к детям. Дж. Саймон считает, что «государство стало не более чем поставщиком информации» [29, р. 1140]. Он также утверждает, что эти законы дают право множеству негосударственных акторов принимать участие в управлении потенциальными отношениями между сексуальными преступниками и детьми. Таким образом государство признает, что оно частично снимает с себя ответственность за безопасность граждан. Такое поведение государства усиливает карательные настроения, поскольку его роль в обеспечении безопасности граждан становится

ся неопределенной и двойственной, создавая чувство повышенного риска стать жертвой как сексуального преступления, так и других видов насильственных преступлений.

Решающим условием, способствующим «децивилизационным» тенденциям, является зависимость американской полиции, судов и пенитенциарной системы от мнения избирателей. «Американские социальные институты дают меньшую защиту от кратковременных вспышек эмоций по сравнению с западно-европейскими», – пишет влиятельный американский криминолог М. Тонри [34, р. 9]. Далее он разъясняет, что большинство судей и прокуроров избираются, а те, кто назначаются, назначаются согласно узким политическим критериям, а не профессиональным качествам. Даже федеральные судьи назначаются в соответствии с политическими взглядами действующей администрации [34, р. 9]. Таким образом, американские социальные институты оказываются включенными в аффективные реакции публики на громкие преступления, поскольку без резонанса с чувствами избирателей невозможно выиграть локальные или федеральные выборы. Д. Гарланд в своем исследовании смертной казни в США утверждает, что она не отменяется из-за давления со стороны локальных сообществ, особенно на Юге США [18].

Одним из следствий этой зависимости от мнения избирателей и политических активистов, способствовавшим усилению жестокости наказания, была криминализация домашнего насилия [34, р. 166]. В последующем были приняты законы об обязательном аресте предполагаемого насильника (*mandatory arrest*), выселении его (поскольку чаще всего это мужчины) из его собственного дома на время расследования, даже если он не состоял в браке с предполагаемой жертвой (которая иногда не имеет никакого отношения к его недвижимости) [33, р. 45]. Радикальный феминизм в целом внес свой вклад в дегуманизацию мужчин, совершивших сексуальные преступления, домашнее насилие. М. Косс и ее соавторы утверждают, что их исследование выявило, что 54 % женщин в возрасте 16–24 лет сообщили о сексуальном насилии со стороны мужчин [23]. М. Косс считает, что нужно расширить понятие изнасилования в соответствующей статье Уголовного кодекса США и принять решительные меры к сексуальным насильникам (*zerotolerance policy*). Если принять во внимание, что объектом исследо-

вания были женщины, принадлежавшие к наиболее привилегированной социальной группе молодежи, то алармистские настроения о повсеместном распространении изнасилований дают «основания» для рассуждений об эпидемии изнасилований в США. Непреднамеренным последствием таких исследований является рост моральной паники и карательных настроений. Если рассуждать последовательно, то нужно привлечь к уголовной ответственности примерно 25 % студентов-мужчин (таков процент сексуальных насильников, согласно М. Косс). С другой стороны, феминизм внес свой вклад в превращение жертвы в знаменитость, которая упивается «нарративом» о собственном страдании. Жертвам сексуального насилия теперь предоставляется возможность в некоторых штатах (например, в Майями) выступить в суде перед оглашением приговора уже не в качестве потерпевших, дающих показания, а в роли своеобразных моральных агентов [29]. Такое выступление не влияет на приговор (он уже написан судьей), но значительно усиливает удовлетворенность публики суровым приговором. Об изменившейся роли жертвы в судебном процессе до вынесения приговора я писал выше. Поэтому вполне уверенно можно говорить об определенном «подчинении» полиции и судов чувствам широкой публики. Таким образом, непредвиденным и ненамеренным последствием феминистической борьбы с домашним насилием стало усиление карательных настроений в США. Я рискну предположить, что «гендерные войны» в США внесли свой вклад в «децивилизационную» тенденцию в этой стране.

В заключение можно утверждать, что карательные (пунитивные) настроения вспыхивают вслед за громкими насильственными преступлениями. Однако одних карательных настроений для изменения пенитенциарной политики недостаточно в случае значительной независимости судов, полиции и прокуратуры от общественных настроений. В Европе, Канаде и Австралии, несмотря на рост карательных настроений, число заключенных остается в большей или меньшей степени стабильным. Норвегия сумела проявить большую сдержанность после того, как 8 человек погибли в результате взрыва и 69 человек были убиты Андреасом Брейвиком 22 июля 2011 г. В Норвегии не было произведено никаких дополнительных карательных изменений в Уголовном кодексе, кроме проекта об изменении закона о

психиатрической помощи опасным преступникам. На этом основании можно утверждать, что карательные настроения населения недостаточны для «децивилизационного» процесса в тех случаях, когда государство твердо стоит на прагматических позициях и не подвержено электоральному давлению в области борьбы с преступностью. В США именно зависимость государственных институтов на всех уровнях от карательных настроений электората является не только необходимым, но и достаточным условием для процесса «децивилизации», выраженного в усилении экспрессивной жестокости наказания; общество в большей части случаев реагирует на статистически редкие, но необычайно жестокие преступления вспышкой карательных настроений.

Можно заключить, что основная роль в сдерживании ужесточения наказания принадлежит государству, поскольку государственные служащие должны быть экспертами в об-

ласти пенитенциарной политики, способными прагматично оценивать тенденции изменения уровня преступности и необходимые меры для борьбы с ней. Американская демократия, несмотря на то, что является так называемой «консенсуальной демократией», предназначенной преодолеть недостатки мажоритарной демократии (поспешность решений, изменчивость политического курса и т.д.), до сих пор не может оградить себя от непосредственных карательных настроений избирателей, которые по большей части носят «децивилизационный» характер. Поэтому весьма вероятно, что карательная тенденция в пенитенциарной политике США будет продолжаться, несмотря на значительное снижение преступности, которое в большой степени зависит от эффективного полицейского патрулирования «горячих точек» в городах [40]. Такова цена зависимости государственных институтов от карательных настроений электората.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гишинский Я.И. Демография «заключенности» [Электронный ресурс] / Я.И. Гишинский // Демоскоп Weekly. – 2009. – № 361–362. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0361/index.php>.
2. Гишинский Я.И. Милиция – это организованная преступная группировка [Электронный ресурс] / Я.И. Гишинский // DP.RU. – 2009. – 6 авг. – Режим доступа: http://www.dp.ru/a/2009/08/06/IAkov_Gilinskij_Milicija.
3. Гольберт В.В. Карательный популизм в современном мире / В.В. Гольберт // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2011. – № 1. – С. 42–50.
4. Иншаков С.М. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / С.М. Иншаков. – М. : Юнити-Дана, 2011.
5. Министерство внутренних дел Российской Федерации. – Режим доступа: http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/show_88233.
6. Федеральная служба исполнения наказаний. – Режим доступа: <http://fsin.ru/statistics>.
7. Элиас Н. О процессе цивилизации : в 2 т. / Н. Элиас. – М. : СПб. : Унив. кн., 2001.
8. Элиас Н. Придворное общество / Н. Элиас. – М. : Языки славян. культуры, 2002.
9. Angus Reid Public Opinion, 2012. – Режим доступа: <http://www.angus-reid.com/polls/43498/americans-support-punishing-murder-with-the-death-penalty>.
10. Bobo L. Racialized Mass Incarceration: Poverty, Prejudice, and Punishment / L. Bobo, V. Thompson // *Doing Race: 21 Essays for the 21st Century* / ed. H. Markus, P. Moya. – N. Y. : Norton, 2010. – P. 322–355.
11. Drucker E. A Plague of Prisons: The Epidemiology of Mass Incarceration in America / E. Drucker. – N. Y. : The New Press, 2011.
12. Elias N. Soziale Prozesse / N. Elias // *Grundbegriffe der Soziologie* / B. Schäfers (ed.). Opladen : Leske en Budrich, 1986.
13. Elias N. The Germans. Power struggles and the development of habitus in the 19th and 20th centuries / N. Elias. – Cambridge : Polity Press, 1996.
14. Ellsworth P. Hardening of the Attitudes: Americans' Views on the Death Penalty / P. Ellsworth, S. Gross // *Journal of Social Issues*. – 1994. – Vol. 50, no 2. – P. 19–52.
15. Federal Bureau of Investigations, 2012. – Режим доступа: <http://www.fbi.gov/stats-services/crimestats>.
16. Federal Bureau of Prisons, 2012. – Режим доступа: <http://www.bop.gov>.
17. Garland D. Punishment and Modern Society / D. Garland. – Chicago : Univ. Of Chicago Press, 1990.
18. Garland D. Peculiar Institution: America's Death Penalty in an Age of Abolition / D. Garland. – N. Y. : Harvard Univ. Press, 2010.
19. Garland D. The Culture of Control: Crime and Social Order in Contemporary Society / D. Garland. – Chicago : Univ. of Chicago Press, 2001.
20. Horwitz A. The Logic of Social Control / A. Horwitz. – L. : Plenum Press, 1990.
21. International Centre for Prison Studies. – Режим доступа: http://www.prisonstudies.org/info/worldbrief/wpb_country.php?country=190.
22. Issak J.R. Madness in the Streets: How Psychiatry and the Law Abandoned the Mentally Ill / J.R. Issak, V.C. Arma. – N. Y. : Free Press, 1990.

23. Koss M. The Scope of Rape: Incidence and Prevalence of Sexual Aggression and Victimization. National Sample of Higher Education Students / M. Koss, C. Gidycz, N. Wisniewski // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. – 1987. – Vol. 55, no 2. – P. 162–170.
24. MailOnline. 15th May 2011. – Режим доступа: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-1386856/Osama-Bin-Ladens-stash-X-rated-rnography-squalid-lair.html>.
25. O'Malley P. Post Keynesian Policing / P. O'Malley, D. Palmer // *Economy and Society*. – 1996. – No 25. – P. 137–155.
26. Pratt J. Emotive and ostentatious punishment. Its decline and resurgence in modern society / J. Pratt // *Punishment and Society*. – 2000. – No 2. – P. 417–41.
27. Scull A. Decarceration. Community Treatment and the Deviant / A. Scull. – New Brunswick : Rutgers Univ. Press, 1984.
28. Simon J. «Entitlement to Cruelty»: Neo-Liberalism and the Punitive Mentality in the United States/ J. Simon // *Crime, Risk and Justice* / ed. by K. Stevenson, R. Sullivan. – Portland : Willan Publishing, 2001. – P. 125–143.
29. Simon J. Megan's Law: Crime and Democracy in Late Modern America / J. Simon // *Law & Social Inquiry*. – 2000. – P. 1111–1150.
30. Smith P. Durkheim ad Criminology: Reconstructing the Legacy / P. Smith // *Australian & New Zealand Journal of Criminology*. – 2008. – Vol. 41, no 3. – P. 333–344.
31. Spierenburg P. The Spectacle of Suffering: Executions and the Evolution of Repression / P. Spierenburg. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1984.
32. Spitzer S. Punishment and Social Organization: A Study of Durkheim's Theory of Penal Evolution / S. Spitzer // *Law and Society Review*. – 1975. – No 9 (4). – P. 613–638.
33. The Texas Family Violence Benchbook / Prepared By The Office of Court Administration. – Austin : The State of Texas Office of Court Administration, 2010.
34. Tonry M. Thinking about crime: sense and sensibility in American penal culture / M. Tonry. – N.Y. : Oxford Univ. Press, 2004.
35. USA TODAY August 30th 2010. – Режим доступа: http://www.usatoday.com/news/washington/2010-08-30-1Asafetynet30_ST_N.htm.
36. Van Krieken R. Norbert Elias / R. Van Krieken. – N. Y. : Routledge, 1998.
37. Wacquant L. Decivilizing and Demonizing: Remaking the Black American Ghetto / L. Wacquant // *The Sociology of Norbert Elias* / ed. S. Loyal, S. Quilley. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2004. – P. 95–121.
38. Wacquant L. The Scholarly Myths of the New Law-and-Order Doxa / L. Wacquant // *The Socialist Register* 2006: Telling the Truth / ed. L. Panitch, C. Leys. – L. : Merlin Press ; N. Y. : Monthly Rev. Press, 2006. – P. 93–115.
39. Walsh J. Three Strikes Law / J. Walsh. – Greenwood Publishing Group, 2007.
40. Zimring F. The City that Became Safe: New York's Lessons for Urban Crime and Its Control (Studies in Crime and Public Policy) / F. Zimring. – N.Y. : Oxford Univ., 2011.
41. Zimring F. Punishment and Democracy: Three Strikes and You're Out in California / F. Zimring, G. Hawkins, S. Kamin. – N.Y. : Oxford Univ. Press, 2001.

REFERENCES

1. Gilinskij Ja.I. Demography of custody. [Gilinskij Ja.I. Demografija «zakljuchennosti»]. Demoscope Weekly, no. 361–362, 2009. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0361/index.php>.
2. Gilinskij Ja.I. Militia is an organized criminal group. [Gilinskij Ja.I. Milicija – jeto organizovannaja prestupnaja gruppirovka]. DPU, 6 Aug. 2009. Available at: http://www.dp.ru/a/2009/08/06/Jakov_Gilinskij_Milicija.
3. Gol'bert V.V. Punitive populism in contemporary world. [Gol'bert V.V. Karatel'nyj populizm v sovremennom mire]. *Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta jekonomiki i prava – Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2011, no. 1, pp. 42–50.
4. Inshakov S.M. Theoretical basis of latent crime research and analysis. [Inshakov S.M. Teoreticheskie osnovy issledovaniya i analiza latentnoj prestupnosti]. Moscow, 2011.
5. Ministry of Internal affairs. 2010 Jan.-Dec. Crime situation, 2012. [Ministerstvo vnutrennih del Rossijskoj Federacii. Sostojanie prestupnosti – janvar'-dekabr' 2010 god, 2012]. Available at: http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/show_88233.
6. Federal Penitentiary Service, 2012. [Federal'naja sluzhba ispolnenija nakazanij, 2012]. Available at: <http://fsin.su/statistics>.
7. J Elias N. On Civilization process. In 2 vol. [J Elias N. O processe civilizacii : v 2 t.]. Moscow, Saint-Petersburg, 2001.
8. J Elias N. Court society. [J Elias N. Pridvornoe obshhestvo]. Moscow, 2002.
9. Angus Reid Public Opinion, 2012. Available at: <http://www.angus-reid.com/polls/43498/americans-support-punishing-murder-with-the-death-penalty>.
10. Bobo L., Thompson V. Racialized Mass Incarceration: Poverty, Prejudice, and Punishment. *Doing Race: 21 Essays for the 21st Century*. Ed. Markus H., Moya P. New York: Norton, 2010, pp. 322–355.
11. Drucker E. A Plague of Prisons: The Epidemiology of Mass Incarceration in America. New York: The New Press, 2011.
12. Elias N. Soziale Prozesse // *Grundbegriffe der Soziologie*. B. Schäfers (ed.). Opladen: Leske en Budrich, 1986.

13. Elias N. The Germans. Power struggles and the development of habitus in the 19th and 20th centuries. Cambridge, 1996.
14. Ellsworth P., Gross S. Hardening of the Attitudes: Americans' Views on the Death Penalty // Journal of Social Issues, Vol. 50, No. 2, 1994, pp. 19–52.
15. Federal Bureau of Investigations, 2012. Available at: <http://www.fbi.gov/stats-services/crimestats>.
16. Federal Bureau of Prisons, 2012. Available at: <http://www.bop.gov>.
17. Garland D. Punishment and Modern Society. Chicago: University Of Chicago Press, 1990.
18. Garland D. Peculiar Institution: America's Death Penalty in an Age of Abolition. New York: Harvard University Press, 2010.
19. Garland D. The Culture of Control: Crime and Social Order in Contemporary Society. Chicago: University of Chicago Press, 2001.
20. Horwitz A. The Logic of Social Control. London: Plenum Press, 1990.
21. International Centre for Prison Studies. Available at: http://www.prisonstudies.org/info/worldbrief/wpb_country.php?country=190.
22. Issak J.R., Arma V.C. Madness in the Streets: How Psychiatry and the Law Abandoned the Mentally Ill. N.Y., 1990.
23. Koss M., Gidycz C., Wisniewski N. The Scope of Rape: Incidence and Prevalence of Sexual Aggression and Victimization . National Sample of Higher Education Students // Journal of Consulting and Clinical Psychology, Vol. 55, No. 2, 1987, pp. 162–170.
24. Mail Online. 15th May 2011. Available at: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-1386856/Osama-Bin-Ladens-stash-X-rated-pornography-squalid-lair.html>.
25. O'Malley P., Palmer D. Post Keynesian Policing // Economy and Society, no. 25, 1996, pp. 137–155.
26. Pratt J. Emotive and ostentatious punishment. Its decline and resurgence in modern society // Punishment and Society, no. 2, 2000, pp. 417–41.
27. Scull A. Decarceration. Community Treatment and the Deviant. New Brunswick: Rutgers University Press, 1984.
28. Simon J. 'Entitlement to Cruelty': Neo-Liberalism and the Punitive Mentality in the United States // Crime, Risk and Justice. Ed. by K. Stevenson and R. Sullivan. Portland: Willan Publishing, 2001, pp. 125–143.
29. Simon J. Megan's Law: Crime and Democracy in Late Modern America // Law & Social Inquiry, 2000, pp. 1111–1150.
30. Smith P. Durkheim ad Criminology: Reconstructing the Legacy // Australian & New Zealand Journal of Criminology, Vol. 41, no. 3, 2008, pp. 333–344.
31. Spierenburg P. The Spectacle of Suffering: Executions and the Evolution of Repression. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.
32. Spitzer S. Punishment and Social Organization: A Study of Durkheim's Theory of Penal Evolution // Law and Society Review, no. 9(4), 1975, pp. 613–638.
33. The Texas Family Violence Benchbook. Prepared By The Office of Court Administration. Austin: The State of Texas Office of Court Administration, 2010.
34. Tonry M. Thinking about crime: sense and sensibility in American penal culture. N.Y.: Oxford University Press, 2004.
35. USA TODAY August 30th 2010. Available at: http://www.usatoday.com/news/washington/2010-08-30-1Asafetynet30_ST_N.htm.
36. Van Krieken R. Norbert Elias. New York: Routledge, 1998.
37. Wacquant L. Decivilizing and Demonizing: Remaking the Black American Ghetto // The Sociology of Norbert Elias. Ed. Steven Loyal and Stephen Quilley. Cambridge: Cambridge University Press, 2004, pp. 95–121.
38. Wacquant L. The Scholarly Myths of the New Law-and-Order Doxa // The Socialist Register 2006: Telling the Truth. Ed. Leo Panitch and Colin Leys. London: Merlin Press; New York: Monthly Review Press, 2006, pp. 93–115.
39. Walsh J. Three Strikes Law. Greenwood Publishing Group, 2007.
40. Zimring F. The City that Became Safe: New York's Lessons for Urban Crime and Its Control (Studies in Crime and Public Policy). N.Y.: Oxford University, 2011.
41. Zimring F., Hawkins G., Kamin S. Punishment and Democracy: Three Strikes and You're Out in California. New York: Oxford University Press, 2001.

Сведения об авторе

Щитов Николай Георгиевич – профессор кафедры психологии Дальневосточного федерального университета, доктор философских наук, г. Владивосток, Российская Федерация; e-mail: nschitov@yahoo.com.

Information about author

Shhitov Nikolaj Georgievich – Professor of Chair of Psychology of Far Eastern Federal University, Doctor of Philosophical Sciences, Vladivostok, Russian Federation; e-mail: nschitov@yahoo.com.